ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ СПОРТ МИНИСТРЛІГІ
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕМЛЕКЕТТІК ОРТАЛЫҚ МУЗЕЙІ

Қазақ хандығының 550 жылдығына және Қазақстан халқы Ассамблеясының 20 жылдығына арналған «ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ МЕН ЭТНОЛОГИЯСЫ: ӨТКЕНІ, БҮГІНІ ЖӘНЕ БОЛАШАҒЫ» атты «VII Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция МАТЕРИАЛДАРЫ

28-29 сәуір 2015 жыл

МАТЕРИАЛЫ

международной научно-практической конференции «VII Оразбаевские чтения» «КАЗАХСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ», приуроченной к 550-летию образования Казахского ханства, 20-летию Ассамблеи народа Казахстана 28-29 апреля 2015 г.

PROCEEDINGS

of International scientific and practical conference «VII Orazbayev readings»: «KAZAKH ARCHAEOLOGY AND ETHNOLOGY: PAST, PRESENT AND FUTURE», dedicated to the 550th anniversary of the Kazakh Khanate, the 20th anniversary of the Assembly of People of Kazakhstan 28-29April, 2015

Алматы
«Қазақ университеті»
2015

26. Марсадолов Л.С. Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратних курганов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып. 28. – Л., 1987. – С. 30-37.

27. Корреляция «ключевых» археологических памятников кочевников Евразии с основными политическими событиями 1-й половины I-го тысячелетия до н.э. // Материалы республиканской научно-практической конференции «IV Оразбаевские чтения на тему «Проблемы и достижения отечественной археологии и этнологии в XXI столетии», приуроченной к 90-летию А.М. Оразбаева, 26-27 апреля 2012. – Алматы, 2012. – С. 117-120.

28. Силантьева Л.Ф. Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа, ноябрь 1967. – Л., 1967. – С. 46-48.

29. Марсадолов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племён степей Евразии I-го тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 69-85.

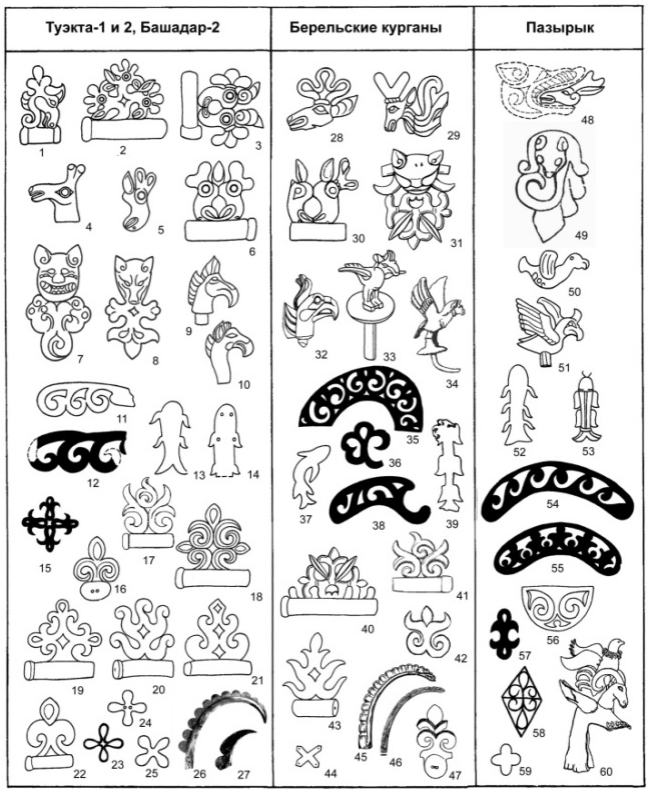

Рис. I. Сопоставление изобразительных образов и орнаментальных элементов из Большого Берельского и других курганов Алтая (VI-V вв. до н.э.). *Курганы*: 1-2, 5-11, 15-27 – Туэкта-1; 3-4, 13 – Туэкта-2; 12, 14 – Башадар-2; 28-29, 33, 35-38, 43-44 – Большой Берельский; 30, 32, 41-42, 47 – Берел, к. 10; 31, 34, 39-40, 45-46 – Берел, к. 11; 48-49 – Пазырык-4; 50-52, 58, 60 – Пазырык-2; 53-55, 57, 59 – Паэырык-1; 56 – Пазырык-3. Масштабы разные. *По материалам из публикаций С.И. Руденко, М.П. Грязнова, С.С. Сорокина, Л.С. Марсадолова и З.С. Самашева. Составил Л.С. Марсадолов.*

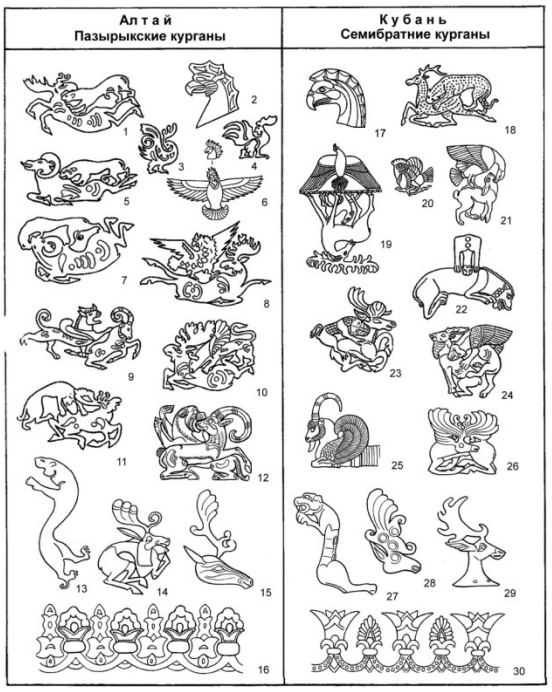

Рис. 2. Сопоставление предметов из курганов Алтая и Кубани (2-я половина V в. до н.э.): *Пазырыкские курганы:* 1-2, 4-5, 10, 12, 15-16 – Пазырык-2; 3, 6-9, 11, 13 – Пазырык-1; 14 – Пазырык-5; *Семибратние курганы*: 19-20 – 2-й курган; 21-30 – 4-й курган; 17 – 3-й курган; 18 – 6-й курган. Масштабы разные. *По материалам из публикаций С.И. Руденко, М.П. Грязнова и Л.С. Марсадолова. Составил Л.С. Марсадолов.*

А.З. Бейсенов, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы

ОБРАЗ А.М. ОРАЗБАЕВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ И ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ САКСКОЙ КУЛЬТУРЫ САРЫАРКИ

Выдающийся исследователь Казахстана, археолог Абдулманап Медеуович Оразбаев принадлежит поколению наших учителей. Он является одним из авторов знаковой монографии «Древняя культура Центрального Казахстана» [1]. А. М. Оразбаев оставил след и в археологии Западной Сарыарки, в частности, им был исследован памятник бронзовой эпохи, расположенный близ г. Костанай – Садчиковское поселение. Научные работы проводились на Кокше, маршрутами его экспедиции отмечены многие пункты в Центральном Казахстане, где он изучил целый ряд интересных объектов.

Помимо древностей эпохи бронзы, здесь и курган с «усами» Жанайдар. В этом комплексе, состоящем, кстати, из одного только кургана, под насыпью были обнаружены предметы конского снаряжения, твердо датирующиеся раннесакским временем. Памятники палеометаллической эпохи изучались Абдулманапом Медеуовичем и в Восточном Казахстане. Научное наследие А.М. Оразбаева анализируется в трудах его последователей А.Т. Толеубаева, Г.К. Омарова, У.У. Умиткалиева.

Своеобразным мемориалам исследователю можно считать раскопы его учеников и учеников его учеников. А.М. Оразбаев сумел впитать методику раскопок ленинградских археологов. Он принимал участие в экспедиции М.П. Грязнова на Большой Речке. Впоследствии, опыт полученный у археологов из Института материальной культуры, был использован А.М. Оразбаевым при раскопках казахстанских памятников. Одним из признаков ленинградской школы является великолепная зачистка каменных конструкций, приличное расстояние между границами раскопа и отвалом и мн. др.

А.М.Оразбаев предложил варианты реконструкции жилищ эпохи бронзы. Это было сделано по материалам раскопанных им же поселений Суыкбулак, Бугулы-2 в Центральном Казахстане. Он был наблюдательным и вдумчивым исследователем, хорошо знающим казахскую этнографию.

А.М. Оразбаевым и его коллегами в периодизации бронзового века Сарыарки были выделены два периода – атасуский и нуринский, получившие название от степных рек с архаичным названием Атасу и Нура. По берегам рек локализуются удивительные памятники археологии, значение которых в отечественной науке еще не осмыслено на должном уровне.

В этом году исполняется 60 лет с момента открытия памятников на реке Атасу.

В 1980 году состоялось совещание специалистов, исследующих памятники эпохи бронзы Казахстана, Южного Урала и Сибири. Краеугольным камнем данного мероприятия был отказ от периодизации, предложенной К. В. Сальниковым. В том числе сомнению было подвержена правомерность выделения атусуского и нуринского этапов эпохи бронзы. Однако, наука не стоит на месте и сейчас критическая масса источников достигла такого состояния, когда назрела острая необходимость пересмотра устоявшихся мнений о периодизации бронзовой эпохи. Так обстоит дело и с хронологией, с датами тех или иных групп памятников.

Атасуский и нуринский этапы навсегда вписаны в страницы отечественной археологии. Предшествующее поколение наших коллег достойно делали своё дело, целиком отдавая себя археологии, преданно служа науке. Именно, они создавали первый научный задел, воскрешали из небытия облик древних культур и поэтому монография, название которой прозвучало в самом начале данной статьи и в настоящее время сохраняет свою высокую актуальность. Книга издана в виде источника, благодаря которому в научный оборот введены результаты многолетних исследований, проводившихся первой академической археологической экспедицией – Центрально-Казахстанской. В этой книге характеризуется облик двух древнейших эпох – бронзы и раннего железа.

В настоящей статье мы сосредоточим внимание на актуальных проблемах в изучении эпохи древних кочевников Сарыарки, а также попытаемся представить картину современного состояния изученности памятников.

Термин «эпоха древних кочевников» является синонимичным по отношению к таким понятиям, как «эпоха саков», «ранний железный век», «эпоха ранних кочевников». Хронологически данный период датируется временем от начала I тыс. до н. э. до начала I тыс. н. э.

История систематического изучения памятников раннего железного века в Центральном Казахстане начинается с научной деятельности М. К. Кадырбаева – одного из близкого соратника Абдулманапа Медеуовича.

М.К.Кадырбаев заложил мощный фундамент в исследовании культуры саков региона. Опыт предшествующих поколений исследователей, занимавшихся проблемами данного периода, был обобщен им и изложен в озвученной выше монографии [2].

М.К. Кадырбаеву принадлежит открытие и изучение таких памятников, как Тасмола I–VI, Нурманбет I, II, IV, II, Карамурун I, II, Ботакара, Ак-Булак I и многих других [2]. На основе полученных материалов им была выделена тасмолинская археологическая культура. Обоснование выделения новой культуры было изложено им в кандидатской диссертации «Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н. э. – VI в. н. э.)» [3]. В качестве репера тасмолинской культуры были названы своеобразные погребальные сооружения, встречающиеся в большинстве своем именно в Сарыарке, это – курганы с грядами или как их еще называют «курганы с усами». Такой тип памятников представляет собой целый комплекс каменных сооружений, включающий в себя три основных компонента: большой курган с погребением человека, малый с захоронением коня и глиняным сосудом и каменные гряды. Есть разные типы курганов с «усами» [3, с. 309].

М.К. Кадырбаевым выделено еще два признака, характеризующих облик тасмолинской культуры, это – особенности погребального обряда и своеобразие формы глиняных сосудов [3, с. 401]. Своих усопших соплеменников тасмолинцы погребали в овальных могильных ямах в вытянутом на спине положении. Голову ориентировали на север. После засыпки могилу покрывали сверху массивными каменными плитами [3, с. 401]. Своеобразие глиняной посуды заключается в том, что она обычно обнаруживается в

малых курганах комплексов курганов «с усами». Исследователь специально отмечал бытование курганов с «усами», содержащих глиняные сосуды, долгое время, вплоть до раннего средневековья.

Одним из авторов данной статьи – А.З. Бейсеновым – в середине 1990-х гг. были систематизированы материалы по курганам с «усами», куда вошли новые данные об их количестве, распространении и типологии [4]. В настоящее время проводятся новые исследования по Тасмоле. Сейчас особо актуальными являются вопросы датировки курганов с «усами» Сарыарки и всего Казахстана, количество которых растет. Кроме того, специального изучения и решения требует проблема периодизации тасмолинской культуры, особенно второго ее этапа [4- 5].

Конец XX – первое десятилетие XXI вв. – период, ознаменовавшийся чередой интересных открытий, достигнутых в изучении сакской культуры Центрального Казахстана. В настоящее время обозначены новые памятники историко-культурного наследия, в числе которых поселения, курганы, петроглифы, каменные изваяния, отдельные случайные находки.

Прочно вписана в историю археологической науки Казахстана степная река Шидерты. Это – «археологическая» река.

Именно сюда, на Шидерты, летом 1959 г. приехали два археолога – Абдулманап Медеуович Оразбаев и Мир Касымович Кадырбаев, возглавившие два отряда в составе ЦКАЭ. Здесь, вблизи села Тортуй Экибастузского района Павлодарской области А.М. Оразбаев исследовал могильник эпохи бронзы Нурманбет [6], а М.К. Кадырбаевым были изучены давшие богатый материал курганы раннего железного века. Новую культуру он назвал по урочищу Тасмола, что на правобережье, в 8 км от села. Местность называлась по-казахски Тасмола – Каменная могила из-за множества каменистых курганов, достигающих высоты до 1,5 м. Исследовавший данные курганы Мир Касымович это название затем уже перенес на археологическую культуру.

Шидерты – река «народнохозяйственная». Здесь был осуществлен грандиозный проект канала Иртыш–Караганда. Южнее Тасмолы мощные насосные станции начинают переброску иртышской воды дальше, в центральные районы Мелкосопочника, в промышленные зоны Караганды. Нужно ли напоминать читателю, что на средства этого проекта в 1959 году начались археологические раскопки в урочище Тасмола…

Шидерты – народная река, особо любимая казахами.

Аркинские казахи говорили в старину: «Шідертінің суы бал, Өленттінің шөбі бал» («На Шидерты медовая вода, на Оленты медовая трава» – прим. А. З. Бейсенова).

А еще эти две реки сравнивали с веселыми молодыми девушками-сестрами.

К югу отсюда издали высятся гранитные утесы воспетых в песнях Баянских гор, Оленты протекает западнее, стремясь в просторы Акколь-Жайылма.

На берегу Шидерты, немного севернее с. Тортуй, находится мазар знаменитого в Степи сыншы – толкователя коней Куренбая, с именем которого связана история последнего бега и гибели непревзойденного скакуна Кулагера.

В Сарыарке и поныне можно услышать легенду о том, как гордые и спесивые алтаевцы с реки Нура бесцеремонно и многократно расхваливали перед толпой своих коней, предрасполагая себе первый приз, морально угнетая хозяев аса и распорядителей скачки. Право требовать выдачи первого приза еще до начала скачек («бәйгені шаппай аламыз!» – прим. А. З. Бейсенова) имело хождение и ситуация накалялась. В это время из Шидерты прибыл сыншы Куренбай, человек упрямый, с тяжелым взглядом. Он твердо указал на Кулагера: «Вот конь, а все остальные владельцы коней, оставьте свои надежды!». Далее предание гласит, что Кулагер действительно шел первым, намного опередив остальных скакунов, в том числе и алтаевских коней. Мощный удар топора остановил его предфинишный бег. Кулагер погиб и стал символом казахского скакуна, не увидевшего ни одного своего поражения. Впоследствии образ Кулагера был увековечен в одноименном произведении Ильяса Жансугурова. В 2014 году выыдающемуся казахскому поэту исполнилось 120 лет со дня рождения.

Основная часть новых исследований памятников тасмолинской культуры проводится ныне в центральных, гористых районах Мелкосопочника. Это исследования памятников Каркаралы, Баянаула, Кызыларай и Бегазы. Прежде всего, следует отметить работы экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана.

К числу ярких открытий относятся результаты раскопок памятников кочевой элиты, таких как Талды-2, Карашокы, Шерубай, Нуркен-2, Бирлик, Акбеит и многих других. Анализ данных, извлеченных в процессе изучения материала во время полевых и кабинетных исследований, позволяет расширить корпус признаков, характеризующих облик тасмолинской культуры. К их числу можно отнести присутствие каменных изваяний, наличие дромосных могил, ряд новых и значительных находок, в том числе и материалы из поселений. Полученная коллекция предметов дополняет и расширяет имеющиеся сведения об экипировке воина, конском снаряжении, художественной культуре, хозяйственных традициях древних кочевников региона.

Корпус данных об изобразительных памятниках можно разделить на две большие группы: произведения мобильного и монументального искусства. Первая категория наиболее многочисленная

и представлена изделиями, изготовленными из металла, кости, рога. Ко второй относятся недвижимые произведения древнего искусства – петроглифы, каменные изваяния.

Если первые выступают в качестве элементов экипировки древнего воина, конского снаряжения, то вторые, в силу своей специфики, являются маркерами, обозначающими границы распространения той или иной культуры. Степь, несмотря на, казалось бы, огромные свободные пространства, всегда жила в строгой гармонии со своими законами. Для жизнеобеспечения социума требовалась определенная система ведения хозяйства. Если для эпохи бронзы исследователями отмечается преобладание в стаде крупного рогатого скота, присутствие большого количества орудий, связанных с металлургическим производством, земледелием [1; 7; 8; 9], то облик сакской культуры характеризует несколько иной тип стада, состоящий из лошадей и мелкого рогатого скота [2; 10]. На поселениях эпохи раннего железного века Центрального Казахстана обычными оказались находки зернотерок, возможно, свидетельствующих о существовании земледелия. Жилища древних кочевников также имеют несколько иную в отличие от бронзового века архитектуру [10]. Если художественную культуру эпохи бронзы во многом характеризует многообразие орнаментальных мотивов, декорирующих поверхность керамических сосудов (подробнее об андроновском орнаменте [11]), то своеобразной визитной карточкой эпохи раннего железного века является уникальная изобразительная традиция, получившая в науке название скифо-сибирский звериный стиль.

В настоящее время мы пытаемся понять своеобразие произведений древнего искусства тасмолинской культуры. На данном этапе исследований все еще остается актуальным тезис, высказанный М. К. Кадырбаевым, о том, что звериный стиль Сарыарки в большей степени характеризуют статичные, одиночные образы животных [2]. Хотя, анализ нового материала позволяет дополнить выводы Мира Касымовича Кадырбаева. Некоторые находки, содержащие анималистические изображения, например те, что были выявлены в ходе раскопок курганов Карашокы (рис. 1, *6*) и Шерубай (рис. 1, *4*), значительно расширяют корпус источников по древнему искусству саков. Объединяет эти два памятника одинаковый принцип изготовления предметов. Обе находки ажурные, выполнены при помощи вырезания из листа желтого металла. Невесомость, легкость, торжественность и благородность предметам придают как сам материал, так и передача самих образов. В одном случае – это изображение кошачьего хищника (рис. 1, *6*). Зверь показан в профиль на прямых ногах. Вся поверхность содержит сквозные фигурные отверстия, которые подчеркивают экстерьер животного. В то же время эти знаки, очевидно, выражают определенную смысловую нагрузку, заключенную в использовании этого приема. Обращает на себя внимание тот факт, что знаками выделены традиционные точки на туловище – это лопатка и круп. В данном случае они имеют определенные орнитоморфные признаки, узнаваемые в манере изображения мощного, хищного, крючковидно загнутого вниз клюва. Таким образом, посредством этих знаков реально существующее животное трансформируется в синкретическое существо, которое условно можно обозначить как тигрогрифон.

В изображениях из Шерубая однозначно определить вид животного весьма затруднительно. Определенный ключ к разгадке заложен в декоре поясной бляхи из Тасмолы V, к. 3 [2] (рис. 1, *1*), представляющей собой многофигурную композицию из изображений шести животных на лицевой стороне. Но если повернуть бляшку тыльной стороной, то можно увидеть очертания еще трех клювастых голов, скрывающихся в абрисе бляхи. Таким образом, в одном предмете мы наблюдаем присутствие изображений шести реально показанных животных и трех – переданных в традиции скрытого зооморфизма. В свою очередь можно отметить, что из общего числа животных только одно показано целой фигурой – это кабан, далее по степени встречаемости можно назвать три изображения орлиноголовых грифонов, по одному представлены рогатые животные – таутеке, олень, сайгак, архар (?) и волк (?). В материалах раннесакского кургана Аржан-2 в Тыве присутствуют находки, поверхность которых сплошь покрыта зооморфными изображениями [12] (рис. 1, *3*). Аналог экземпляру из Тывы, правда в стилизованной манере, демонстрирует предмет из кургана 5, Талды-2 (рис. 1, 2). Обычно такой прием в изобразительной традиции культуры ранних кочевников именуется «загадочной картинкой». Данный термин впервые применил исследователь сакской культуры Тывы А. Д. Грач при характеристике предметного комплекса этого региона [13]. В передаче голов орнитоморфных существ прослеживается определенная перекличка с изображениями, присутствующими на лопатке и крупе тигра из Карашокы (рис. 1, *6*). Таким образом, находки из Шерубая (рис. 1, *4*) следует, видимо, считать не мотивом «сложного завитка» – термином, предложенным К. В. Чугуновым [14], а стилизованной «загадочной картинкой». Поразительное сходство экземпляры из Шерубая обнаруживают с предметами, полученными во время раскопок кургана сакской кочевой элиты – Кичигино I, к. 5, открытого на Южном Урале и исследовавшегося экспедицией под руководством А. Д. Таирова [15]. Данные находки (рис. 1, *5*) анализировались российской исследовательницей М. Н. Чубаевой, которая считает, что в этих изделиях запечатлены изображения птиц [16]. Из наблюдений, сделанных нами, следует, что такое заключение следует признать ошибочным.

Рис. 1. Изобразительные памятники саков Сарыарки, Южного Урала и Тывы. *1* – Тасмола V, к. 3 (по: [2]); *2* – Талды-2, к. 5; *3* – Аржан-2 (по: [12]); *4* – Шерубай, к. 1; *5* – Кичигино-I, к. 5 (по: [15]); *6* – Карашокы, к. 1

Использование в декоре предметов изображений в виде завитков, запятых, когтей, клювов, видимо, – традиция, зародившаяся на ранних этапах развития скифо-сибирского звериного стиля и, соответственно, маркирующая более ранние в археологическом смысле комплексы памятников.

Запятовидные изображения присутствуют в декоре целого ряда предметов из клада Жалаулы в Жетысу [17]. Так, в виде запятых выполнены прорези на фигурах оленей, маркируя точки лопатки и крупа. Распределители ремней и обоймы, выполненные в форме запятых, сплошь покрыты заполнением из многочисленных изображений аргали и точками зерни, расположенными в пространстве между ними. Изображениями в виде запятых декорирована поверхность ворворок из Талды-2, аналогичный знак, окаймленный по контуру шариками зерни, присутствует в декоре крупа кошачьего хищника в материалах из могильника Филипповка I, к. 4 в Южном Приуралье [18]. Использование приема стилизации в декоре предметов конского снаряжения можно проследить в материалах из Алтая – в оформлении чумбурного блока из Майемера [19].

Выше на примере двух изображений мы показали возможности анализа древнего изобразительного искусства. В художественной культуре древних кочевников каждая линия, штрих, завиток имели свой смысл. Нанесение знаков на поверхность предмета регламентировалось определенными идеологическими соображениями. Анималистические изображения, орнаменты, знаки-символы в культуре саков представляют собой своеобразные идеограммы и выполняли такую роль, какая была отведена рунам в языке древних тюрок или кельтов, геометрическим композициям в декоре сосудов эпохи бронзы, узелковому письму древних майя и т. д. Это был своеобразный язык, распространившийся на всем пространстве Великой Степи в раннем железном веке. Только также как и в любом другом языке, так и здесь существуют определенные диалекты.

Проследить индивидуальность звериного стиля саков Центрального Казахстана позволит сравнение имеющегося материала посредством таких векторов: Сарырка–Приаралье, Сарыарка–Тыва, Сарыарка–Жетысу, Сарыарка–Алтай, Сарыарка–Южный Урал, Сарыарка–Южное Приуралье. Как только процесс такой фундаментальной работы завершится, то можно будет увидеть почерк мастеров Тасмолы.

В настоящее время, несмотря на то, что определенное сходство в материалах имеется, все же есть и различия. Например, традиция обращения с конем в погребальном обряде. Если в комплексах из Тывы мы наблюдаем наличие большого количества лошадей в сопроводительных комплексах, то в материалах тасмолинской культуры это отношение весьма рациональное. Традиция погребения целой туши коня здесь отсутствует, чаще в могиле находят череп животного, довольно часто образ скакуна заменяется уздечными наборами. Представления о загробном мире в эпоху раннего железного века диктовали определенный репертуар сопроводительного погребального комплекса. Тасмолинцы верили в существование жизни после смерти и обязательно клали своим соплеменникам те предметы, которые были обычны в повседневной жизни – оружие, орудия труда, пояса, посуду, зеркала, украшения.

Облик тасмолинской культуры, особенно те компоненты, которые связаны с традицией рационального использования коня в погребальной практике, обнаруживают параллели, в казахской

этнографии. Например, в работе павлодарского этнографа Г. Б. Нурахметовой, находим свидетельства о том, что в местечке Акколь-Жайылма на территории мавзолея зафиксировано захоронение восьми конских черепов, ориентированных на юг [20, с. 158]. Исследовательница отмечает, что данный памятник является не только археологическим, но и мемориально-культовым объектом [20, с. 158].

В казахской культуре всегда было особенное отношение к лошади. Об этом свидетельствует не только материальная составляющая культуры, представленная великолепными уздечными наборами, декорированными металлическими бляшками, а также украшениями, выполненными из кожи, седлами и т. д., но и то, что образ тулпара запечатлен в памятниках устной народной традиции.

В отечественной науке изучению культа коня у казахов посвящены разработки А.У. Токтабая. Исследователь отмечает, что в быту у казахов конь ценился больше, чем другие домашние животные [21]. А.У. Токтабай отмечает, что «казахи очень ценили и берегли коней, любовно называли их «есті жануар» – «мудрым животным», «тілсіз адам» – «безъязыким человеком», «человекоподобным зверем», своих горячо любимых детей называли лошадиными прозвищами: «жеребенок мой», «жеребеночек мой»»… [21, с. 3]. По наблюдениям этнографа становится известным, что там, где воздух пропитан лошадиным духом, там не водится нечистой силы [21, с. 6]. Исследователь отмечает, что оружие всадника – плеть – обычно пропитана потом коня и поэтому к этому предмету вооружения не приближаются представители нечистой силы [21, с. 6]. В наблюдениях А. У. Токтабая присутствует еще одно ценное наблюдение, связанное с отпечатком конского копыта, считалось, что земля из-под копыта коня обладает особенными качествами, в том числе целебными. Горсть земли, взятую из-под копыта, клали в колыбель новорожденного [21, с. 8]. Отметим, что в искусстве древних скотоводов евразийских степей I тыс. до н. э. изображение копыта – довольно частое явление. Думается, что сопоставление данных этнографии по культу коня с данными археологии – задача специального исследования.

Удивительная наука – археология подчас таит в себе ключ к пониманию культуры наших предков, благодаря которой время, застывшее в материале предшествующих эпох, раскрывает свои тайны и очень важно не растерять это наследие не расплескать эту чашу.

---

1. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.

2. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303-433.

3. Кадырбаев М.К. Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н. э. – VI в. н. э.): Дис. … канд. ист. наук. – Л., 1959. – 177 с.; Архив Института истории материальной культуры Российской академии наук, ф. 35, оп. 2-Д, д. № 83.

4. Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана: Автореф. дис. … канд. ист. наук – Алматы, 1997. – 17 с.

5. Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011. – 32 с.

6. Оразбаев А.М. Работы на могильнике Нурманбет // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. науч. статей, посв. 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы, 2013. – С. 74-111.

7. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата, 1992. – 247 б.

8. Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: учебное пособие. – Караганда: изд-во КарГУ, 2002. – 138 с.

9. Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Талдысай қонысы – көне металлургия ескерткіші. – Поселение Талдысай – памятник древней металлургии. – Алматы, 2012. – 132 с. (на каз. и рус. яз.).

10. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: Інжу-Маржан, 2009. – 264 с.

11. Рудковский И.В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. – Алматы, 2013. – 192 с., ил.

12. Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. – Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. – 330 p., 289 abb., 153 taf.

13. Грач А.Д. Резные композиции в искусстве Тувы скифского времени // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. – Кызыл, 1980. – С. 71-76.

14. Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. – СПб., 2011. – С. 39-60.

15. Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий (МИАР. № 13). – М.: ТАУС, 2010. – С. 339-354.

16. Чубаева М.Н. Орнаментальный мотив «сложного завитка» в произведениях скифо-сибирского звериного стиля // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Соц.-гум. науки. – Челябинск, 2013. – Т. 13. – №2. – С. 190-193.

17. Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. – Алматы: Берел, 2003. – 336 с.

18. Влияния Ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н. э.) / Под ред. М.Ю. Трейстера и Л.Т. Яблонского. – М.: Таус, 2012. – Т. II. – 468 с.

19. Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. В поисках следов свернувшейся пантеры: к изучению памятников Майемерской степи // История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. – Алматы, 2011. – С. 67-88.
20. Нурахметова Г.Б. Историко-культурные памятники субрегиона Акколь-Жайылма // Казахи России: история и современность: материалы международной научн.-практической конференции (г. Омск, 20-22 мая 2009 г.). – Омск, 2010. – Т. 2. – С. 157-160.
21. Токтабай А.У. Культ коня у казахов. – Алматы, 2004. – 124 с.

А.К. Кушкумбаев, д.и.н., профессор
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева.
Научный центр гуманитарных исследований «Евразия»

К ВОПРОСУ ОБ ОСАДНОМ ИСКУССТВЕ МОНГОЛЬСКОЙ ЭПОХИ

Также как и сам феномен «номадизма» (особый способ адаптации человека к окружающей среде, специфический социальный и политический строй, неповторимая духовная культура и т.д.), военное дело кочевников Евразии всегда являлась особой темой всемирной военной истории, т.к. оригинальный вклад кочевых народов в развитие военного искусства был несомненен и значителен. Как отмечает российский исследователь Р.П. Храпачевский «до монголов кочевники крайне редко захватывали защищенные города оседлых народов» и заслуга монголов заключается в том, что они при взятии укреплений действовали системно и поэтапно, и процесс овладения осадными технологиями занял у них где-то 10 лет (1205-1215 гг.). В соответствии с концепцией данного автора монгольское военное искусство взятия укрепленных пунктов противника прошло три основных этапа: тангутский (военные походы на государство Си Ся), чжурчжэньский (война с государством Цзинь), мусульманский (западные походы Чингис-хана против хорезмийской державы) [1, с. 210-212]. Тем самым, монголы на самых ранних периодах своих завоеваний скрупулезно и тщательно занимались подготовкой артиллерийских и инженерных частей для своих войск.

Сам Чингис-хан и его полководцы достаточно большое внимание уделяли различным способам взятия укреплений, городов, крепостей: полное блокирование населенного пункта, неожиданное нападение, непрерывные атаки осажденных, пролом стен, а также массовое использование военнопленных и гражданского населения при штурме и т.д.

О различных приемах взятия монголами укрепленных пунктов сообщают «Юань ши», Рашид ад-Дин, западные авторы, в частности, Плано Карпини оставил в одном из разделов своего труда подробное описание осадных приемов: «Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же Татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь; мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки. А если они не одолевают таким способом и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землею входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их сило» [2, с. 47]. Очень редки случаи, когда города выдерживали яростный натиск монгольских войск и оставались нетронутыми завоевателями.

Из большого количества исторических источников по монгольским завоеваниям известно, что монголы при завоевании какой-либо страны первостепенное внимание уделяли захвату вражеских укреплений. Наглядным историческим примером может служить вторжение монголов на территорию хорезмийского государства 1219-1224 гг. Держава хорезм-шахов обладала одной из самых сильных – в военно-фортификационном отношении – систем укрепленных городов-крепостей на мусульманском Востоке, у нее на службе имелись хорошо подготовленные военно-инженерные кадры, весьма высокого уровня достигала как осадная, так и оборонительная, и надо сказать очень разнообразная и передовая военная техника для того времени. В этой связи вполне понятно, что высшее военно-политическое руководство Хорезма выбрала накануне монгольского нашествия пассивную стратегию обороны (ожидания), с упором на неприступность крепостных стен.

Очень яркие свидетельства хода монгольского завоевания Мавераннахра и других регионов государства хорезмшахов оставили Ибн аль-Асир, ан-Насави, Джузджани, Джувейни, Рашид ад-Дин и